

УДК 394+28

doi 10.17072/2219-3111-2026-1-170-180

EDN: IDNVPI

ASJC 3314

ГРНТИ 03.61.91

Ссылка для цитирования: Федоров Р. Ю. Этнокультурные процессы у молокан Омской области (XX – первая четверть XXI века) // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 1(72). С. 170–180. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-1-170-180. EDN: IDNVPI

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У МОЛОКАН ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (XX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)¹

Р. Ю. Федоров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1

r_fedorov@mail.ru

SPIN-код: 4902-4090

Рассмотрены этнокультурные процессы в среде молокан, проживавших в сельских районах Омской области и городе Омске в XX – первой четверти XXI в. Источниковая база исследования опирается на материалы этнографических экспедиций, проведенных на территории Одесского и Нововаршавского районов Омской области, а также на документальные источники, хранящиеся в Историческом архиве Омской области. Установлено, что основной причиной формирования мест компактного проживания молокан на юге Омской области стали крестьянские переселения начала XX в. В 1920-е гг. в Омске возникла официально зарегистрированная община молокан, однако изменение религиозной политики СССР во второй половине 1930-х гг. привело к ее закрытию. В отличие от города, в сельской местности религиозная жизнь молокан, носившая неформальный характер, не прерывалась до начала XXI в. Характерной особенностью их жизни в сельской местности являлось бытование связанных с ней народных традиций, которые сохранили наиболее стойкое бытование в семейной обрядности и культуре питания. При этом название «молокане» превратилось в своеобразное коллективное прозвище сельских жителей, которое в настоящее время в большей степени характеризует не их религиозную принадлежность, а общность происхождения.

Ключевые слова: молокане, этнокультурные процессы, религиозное мировоззрение, идентичность, Западная Сибирь, Омск.

Введение

Благодаря крестьянским переселениям второй половины XIX – начала XX в. на территорию Сибири было привнесено многообразие этнолокальных групп, проживавших на территории европейской части Российской империи. На протяжении последних десятилетий наблюдается значительный рост интереса этнологов к изучению различных граней этнокультурных процессов, которые происходили в их среде в ходе формирования вторичных территорий расселения. На этом фоне в изучении адаптации в Сибири небольших конфессионально-этнографических групп, включая так называемых «сектантов», продолжает оставаться множество пробелов. К их числу можно отнести молокан, переселившихся в начале XX в. в сельские районы юга современной Омской области и город Омск из Самарской, Тамбовской, Таврической и ряда других губерний.

Отдельные социально-исторические аспекты жизни молокан в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. были рассмотрены Д. Е. Буяновым [Буянов, 2017]. Им также была разносторонне исследована история молокан в Приамурье [Буянов, 2012, 2021]. Первая публикация, в которой были затронуты отдельные аспекты жизни общин молокан, проживавших на территории Полтавского района Омской области, принадлежит Т. М. Назарцевой [Назарцева, 1996]. В книге К. А. Прохорова содержатся сведения о взаимодействиях общин молокан и баптистов на юге Омской области [Прохоров, 2019]. В статье Н. Д. и А. В. Скосыревых рассмотре-

на история переселения и судьбы семей молокан, основавших свои поселения в начале XX в. на территории современного Нововаршавского района Омской области [Скосырева, Скосырев, 2021]. Материалы по истории и традициям молокан, проживающих в Одесском районе Омской области, были опубликованы в очерке журналиста М. Л. Губенко [Губанко, 2023]. Несмотря на наличие этих публикаций, до настоящего времени практически не были освещены этнокультурные аспекты их жизни на юге Омской области, а также сведения об их общине, которая существовала в городе Омске. Исключение из этого составляет лишь наша статья, опубликованная в журнале «Религиоведение», в которой были представлены первые результаты полевого исследования в местах компактного проживания потомков молокан, проведенного на территории Одесского района Омской области в 2023 г. [Федоров, 2024].

Основная задача данной статьи состоит в анализе этнокультурных процессов в среде молокан и их потомков, проживавших в сельских районах Омской области и городе Омске в XX – первой четверти XXI в. Основой источниковой базы исследования послужили этнографические экспедиции автора, проведенные на территории Одесского (2023 г.) и Нововаршавского районов (2024 г.) Омской области. В ходе них были собраны тематические интервью с потомками переселенцев-молокан, рожденными в период с 1929 по 1961 г., а также произведены визуальный осмотр и фотофиксация отдельных образцов их жилища и пищи. Изучение жизни молокан, проживавших в г. Омске, в основном опиралось на документальные источники, хранящиеся в Историческом архиве Омской области. Дела, отражающие деятельность общин молокан, действовавших в Омске в советское время, охватывают период с 1923 по 1937 г. (ИсАОО. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 3; Д. 4; Д. 7; Ф. Р-1326. Оп. 4. Д. 29; Д. 35; Ф. Р-1545. Оп. 1. Д. 11 и др.). Несмотря на неравномерный хронологический и тематический охват, собранные источники содержат множество не введенных ранее в научный оборот сведений, которые дают возможность получить общее представление о специфике и динамике этнокультурных процессов среди проживавших здесь молокан.

История формирования общин молокан в Омской области

Заселение молоканами юга Омской области пришлось на начало XX в. и было связано с крестьянскими переселениями из европейской части России. Большинство проживающих здесь потомков молокан считают родиной своих предков территорию современного Пестравского района Самарской области. Помимо этого, в некоторых публикациях встречаются упоминания о том, что предки отдельных переселившихся в Сибирь молокан могли проживать в Таврической, Тамбовской, Воронежской и Курской губерниях [Брычков, 2004, Назарцева, 1996; Губенко, 2023]. На сегодняшний день места компактного проживания потомков молокан сохранились преимущественно на территории Одесского, Полтавского и Нововаршавского районов Омской области. Большинство сохранившихся в наше время деревень, в которых проживали молokane, было основано в период с 1905 по 1913 г.

В сохранившихся архивных документах первые упоминания об общине молокан в городе Омске относятся к 1923 г. На протяжении 1920–1930-х гг. община неоднократно претерпевала процедуры ликвидации и повторной регистрации, которые происходили по инициативе органов власти, которые регулировали деятельность религиозных объединений. При этом состав участников общины регулярно претерпевал изменения. В 1925 г. община носила официальное название «Община духовных христиан молокан “Постоянной церкви” сынов Свободы поклоняющиеся Отцу в Духе и истине». В ней состояло 105 человек (ИсАОО. Ф. 1326. Оп. 4. Д. 35). В 1927 г. была зарегистрирована новая «Омская община молокан», объединенная из двух существовавших ранее отдельных общин. В акте обследования общины от 1928 г. Омским окружным административным отделом отмечалось, что ей так и не был оформлен устав, при этом она не имела собственного молитвенного дома и для проведения собраний арендовала комнату площадью 54 м² у частного лица. Согласно описи имущества общины от 15 февраля 1928 г., ей принадлежали евангелие, библия, стол, скатерть белая, миткалевая, 20 скамей без спинок, вешалка, лампа висючая, печать круглая (ИсАОО. Ф. 1545. Оп. 11. Д. 2. Л. 54). По состоянию на 1929 г., община состояла из 175 человек. По сословному положению большинство членов об-

щины были крестьяне и служащие. Самый старший ее участник был 1846 г.р., младший – 1912 г.р. (Там же. Л. 86–91). Богослужения общины молокан в г. Омске включали чтение Слова Божия, пение псалмов, духовных песен и молений. Проповеди произносились любым желающим членом общины (ИсАОО. Ф. Р-1326. Оп. 4. Д. 29. Л. 7). Средства к существованию общины изыскивались путем добровольных пожертвований и сборов среди ее членов – главным образом для покрытия расходов на аренду помещения (ИсАОО. Ф. 1545. Оп. 11. Д. 2. Л. 113 об.). При этом община не имела своей кассы, а деньги собирались лишь по мере надобности (ИсАОО. Ф. Р-1326. Оп. 4. Д. 29. Л. 7). В ее деятельности комиссией были выявлены такие нарушения, как отсутствие устава, и то, что в ней не велся учет имущества и средств. Помимо этого, в 1925–1927 гг. не составлялись протоколы заседаний советов и собраний общины (ИсАОО. Ф. 1545. Оп. 11. Д. 2. Л. 113 об.). В соответствии с изложенными выше замечаниями новой общиной был принят устав. В нем указывалось, что община духовных христиан-молокан была призвана объединить граждан духовно-христианского вероисповедания в районе г. Омска. С этой целью община устанавливала молитвенные собрания. Члены правления и совет общины избирались не более чем на год. Зачисление в члены общества производилось общим собранием путем открытого голосования простым большинством. Выбытие из общины осуществлялось по личному заявлению выбывающего или по постановлению двух третей наличного числа членов общества. Списки людей, состоящих в общине, ежегодно предоставлялись в Омский окружной административный отдел (Там же. Л. 120). Таким образом, наличие списков членов общины и протоколов ее собраний в первую очередь были нужны не самой общине, а контролирующим ее деятельность органам власти.

К сожалению, в списках членов омской общины молокан 1920-х – первой половины 1930-х гг. отсутствовали сведения о месте их рождения или предыдущем месте жительства. Лишь в некоторых заявлениях о приеме в общину фигурирует место рождения подававших их людей. К примеру, в заявлении о вступлении в общину от 1928 г. Михаила Кирилловича Демидова сообщалось, что он до 1921 г. проживал в деревне Белосток Одесского района Омской области и от рождения принадлежал к вероучению духовных христиан – молокан (ИсАОО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4. Л. 61). Графы с информацией о месте рождения членов общины появились лишь в их списках за 1935 и 1937 гг. Их содержание указывает на то, что в этот период большинство членов общины являлись переселившимися в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Омск крестьянами или их потомками, которые ранее проживали в деревнях, расположенных на юге Омской области. Помимо этого, в общине были люди, рожденные в Омске и приехавшие из Тамбова (ИсАОО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 11. Л. 142; Ф. 1545. Оп. 1. Д. 11. Л. 157).

В 1935 г. членам общины было запрещено собираться в доме, арендуемой у проживавшего в Омске рабочего А. Н. Сояпина под предлогом того, что помещение не отвечало правилам гигиены и пожарной безопасности, которые были необходимы для проведения массовых собраний (ИсАОО. Ф. 1545. Оп. 11. Д. 2. Л. 146). В списке членов общины за 1937 г. числился всего 21 человек, из которых по социальному происхождению все были отнесены к крестьянам, а по классовому признаку 3 человека были отнесены к рабочим, 16 – к середнякам и 2 – к беднякам. Возраст членов общины колебался от 31 до 77 лет, при этом подавляющая часть членов общины была пожилого возраста. Учитывая тот факт, что в хранящихся в Историческом архиве Омской области делах, посвященных городской общине молокан, наиболее поздние в хронологическом отношении документы датированы 1937 г., можно предположить, что община была окончательно ликвидирована в этом году. Несмотря на это, сохранились воспоминания о том, что после того, как община прекратила свое официальное существование, проживавшие в Омске молокане продолжали свое неформальное общение, периодически собираясь в домах отдельных людей.

Омская община молокан была возрождена в конце 1980-х гг. Ее молитвенный дом был открыт в частном секторе по адресу 20-я линия, дом 142 (рис. 1). Первоначально общину возглавил А. Ф. Снякин. Ее численность составляла около 140 человек, при этом лишь около 30 человек являлись ее активными членами [Назарцева, 1996, с. 227]. Впоследствии общину возглавлял известный в Омске краевед и общественный деятель В. Ф. Терехов. После его смер-

ти в 2017 г. община фактически прекратила свое существование, несмотря на то что по состоянию на 2024 г. она продолжала оставаться зарегистрированной в качестве местной религиозной организации. Эту ситуацию связывают с уходом из жизни представителей последнего поколения активных участников общины на фоне падения интереса к религиозным традициям молокан у людей более молодого возраста.

Рис. 1. Здание, в котором в конце 1980-х – первые десятилетия 2000-х гг. располагался молитвенный дом омской общины молокан (фото Р. Ю. Федорова, 2024 г.)

В отличие от Омска, в сельской местности религиозная жизнь молокан носила более неформальный характер, будучи тесно связанной с народными традициями. Первоначально в селах Вольное и Терпенье Полтавского района Омской области имелись молитвенные дома молокан, но уже в 1920-е гг. они были закрыты [Назарцева, 1996, с. 225]. В обследованных районах собрания молокан чаще всего устраивались по воскресеньям в доме пресвитера или проводились по очереди в домах разных семей. По воспоминаниям местных жителей, в период репрессий по отношению к молоканам, которые имели место в 1930–1950-е гг., собрания могли проводиться поздним вечером или даже ночью узким кругом людей. С начала 1960-х гг. собраниям молокан перестали препятствовать. В некоторых деревнях они продолжали проводиться до конца 1990-х – начала 2000-х гг., в д. Патровка Нововаршавского района – до 2012 г. Как правило, они проходили по воскресениям с 10 до 13 часов. Молитвы и псалмы читались пресвитером по Библии и подхватывались нараспев общим хором. Помимо этого, на собраниях молокане могли исполнять песни духовного содержания. После чтения молитв и исполнения песен устраивалось чаепитие. На него пришедшие на собрание приносили из дома угощения. При этом, в отличие от омской общины молокан, сбор денежных пожертвований не практиковался. На протяжении последнего десятилетия существования общины в собраниях в основном принимали участие женщины пожилого возраста, большинство из которых являлись представителями второго поколения переселившихся в деревню молокан. На собрания в среднем приходило 8–9 человек, но с каждым годом их становилось все меньше в связи с уходом из жизни. При этом представители более молодых поколений не проявляли интереса к собраниям, что стало причиной прекращения их проведения.

В настоящее время не все потомки молокан, проживающие в сельской местности, помнят слово «пресвитер». Помимо него, в разговорной речи жителей разных деревень иногда употребляются такие слова, как «староста» или «пастырь». Наиболее вероятно, что последнее название стало использоваться в результате контактов молокан с баптистами. На территории Полтавского и Одесского районов некоторые общины молокан и баптистов фактически слились воедино [Назарцева, 1996, с. 227; Федоров, 2024, с. 97]. В то же время жители Нововаршавского района отмечали, что на его территории молокане и баптисты продолжали жить обособленно.

Особенности идентичности и религиозного мировоззрения молокан

Отличительной особенностью религиозного мировоззрения молокан являлось характерное для большинства протестантских течений «духовное» понимание христианской веры, в соответствии с которым они не признавали икон, не поклонялись святым и не совершали таких основополагающих для православия таинств, как крещение, причастие, миропомазание и др. Традиционные для православных христиан посты, приуроченные к церковным праздникам, не практиковались среди молокан. Как отмечают их потомки, «*в еде греха нет. Нельзя людей судить, ругаться. Вот это грех*» (ПМА–2024², д. Патровка Нововаршавского района Омской области, женщина, 1934 г.р.). В то же время молокане часто держали пост в качестве обета во время различных кризисных жизненных ситуаций, связанных с лишениями или болезнями близких людей. В этих ситуациях люди часто полностью отказывались от приема пищи на период от одного до трех дней, употребляя лишь одну воду и сопровождая пост усердными молитвами.

Дошедшие до наших дней архивные источники, отражающие жизнь омской общины молокан в 1920-е гг., свидетельствуют о том, что в мировоззренческих ориентирах ее участников важное место занимали идеи пацифизма. В уставе Омской общины духовных христиан-молокан, который наиболее вероятно был принят в период с 1923 по 1925 г., эта идея была сформулирована в следующем пункте: «Мы духовные христиане отказываемся от ношения оружия, убийства людей, по заветам Божиим и категорическому запрещению Иисуса Христа, сказанному: (...) “А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас (Мат. Гл. 5.)”» (ИсАОО. Ф. Р-1326. Оп. 4. Д. 29. Л. 7). В Историческом архиве Омской области хранится несколько датированных 1920 г. дел с ходатайствами молокан об их освобождении от воинской службы (ИсАОО. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 9; Д. 12). Эти дела были связаны с принятым в 1919 г. декретом Совета народных комиссаров РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», по которому лица, считавшие воинскую службу несовместимой с их религиозными убеждениями, могли быть освобождены от нее решением народных судов. В советской антирелигиозной литературе отмечалось, что в те годы эта возможность активно использовалась молоканской молодежью [Морозов, 1931, с. 123]. Однако уже в 1924 г. на Втором всесоюзном съезде духовных христиан – молокан в Самаре было принято компромиссное решение, в соответствии с которым «каждому члену духовного христианства, который признает по своим религиозным убеждениям, совместимым с его совестью службу в армии и ношение оружия, не препятствовать выполнению таковой, те же лица, кои по своим религиозным убеждениям и личной совести не могут носить оружия и служить в армии, могут воспользоваться по сему вопросу законами, изложенными в собрании узаконений» [Там же, с. 124]. В 1926 г. на Третьем всесоюзном съезде духовных христиан председатель союза молокан Н. Ф. Кудинов высказался с критикой отказа части молокан от воинской службы, однако большинство присутствовавших на нем продолжили поддерживать решение предыдущего съезда [Дубровин, 2014, с. 218]. В 1928 г. под давлением советской власти президиум всероссийского совета молокан вынес решение «согласиться со службой в Красной армии, что согласуется с учением духовных христиан (св. Луки III, 14; Деян. X. I, Римл. XIII, I и т.п.)» [Морозов, 1931, с. 124]. Следует отметить, что в более поздних редакциях устава омской общины молокан, принятых во второй половине 1920-х – 1930-х гг., упоминания о пацифистских принципах отсутствовали.

Изучение материалов, связанных с жизнью разных общин молокан, указывает на то, что в их среде широкое распространение идей пацифизма имело сравнительно непродолжительный период. На территории Омской области на эту ситуацию могли оказать определенное влияние тесные контакты молокан с духоборами и баптистами. В частности, в Историческом архиве Омской области сохранилась переписка с начальником Омского жандармского управления за 1913 г., в которой отмечалось, что члены Омской общины баптистов активно пропагандировали то, чтобы призванные на военную службу не брали в руки оружие (ИсАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 635. Л. 11). При этом важно иметь в виду, что «если для толстовцев, духоборов, свидетелей Иеговы пацифизм был составной и неотъемлемой частью религиозного учения, то для евангельско-баптистских верующих антимилитаристские взгляды были скорее ситуативными, присущими отдельным верующим, чем всей деноминации» [Клюева, 2023, с. 95]. На это косвенно указывает тот факт, что многие молокане проходили службу в царской армии и принимали участие в качестве добровольцев в Первой мировой войне [Дубровин, 2014, с. 210]. Несмотря на то что в списке членов омской общины молокан за 1937 г. было указано, что ни один из состоявших в ней мужчин, рожденных в период с 1860 по 1905 г. не служил в армии (ИсАОО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 11. Л. 142), в соответствии с воспоминаниями потомков молокан, проживающих на территории Нововаршавского и Одесского районов Омской области, их предки не совершали попыток уклонения от воинских обязанностей в годы Великой Отечественной войны и последующий период. Таким образом, можно сделать вывод о том, что массовый характер идеи пацифизма у проживавших на юге Западной Сибири молокан имели распространение лишь в первые десятилетия XX в., впоследствии достаточно быстро сойдя на нет.

Как правило, сельские жители отмечают, что приехавшие в Сибирь в начале XX в. молокане-первопоселенцы старались воспитывать своих детей в традициях своей веры. Однако уже представители третьего поколения потомков молокан, большинство из которых были рождены в 1940–1960-е гг., начали утрачивать основополагающие принципы религиозной жизни их предков. Эта ситуация была связана с целым комплексом факторов, среди которых – влияние политики атеизма, модернизация жизненного уклада и рост числа браков с людьми, которые не имели молоканского происхождения. Начиная с послевоенного времени, многие молокане состояли в партии и комсомоле. На вопросы о современной этнокультурной идентичности большинство опрошенных ответили, что они себя считают одновременно русскими и молоканами. При этом название «молокане» превратилось в своеобразное коллективное прозвище сельских жителей, которое в настоящее время в большей степени характеризует не их религиозную принадлежность, а общность происхождения.

Этнические традиции

Особенностью календарной обрядности проживавших в сельской местности молокан являлось то, что из церковных праздников они преимущественно отмечали Рождество, Пасху и Троицу. При этом в памяти потомков молокан не сохранилось воспоминаний о том, чтобы широко отмечались имевшие распространение среди других групп переселенцев праздники, приуроченные к дням определенных христианских святых. В соответствии с воспоминаниями, зафиксированными на территории Нововаршавского района Омской области, начиная со Страстной пятницы, молокане по возможности старались на протяжении трех дней устраивать пасхальные собрания, на которых читались молитвы и пелись псалмы. В воскресенье они так же, как и православные, дарили друг другу крашеные куриные яйца (ПМА–2024, д. Патровка Нововаршавского района Омской области, женщина, 1934 г.р.).

Семейно-бытовая обрядность молокан, проживавших в сельской местности и в г. Омске, имела ряд специфических особенностей. У молокан не практиковалось крещение детей. Оно заменялось обрядом наречения имени, которое проводилось пресвитером дома у родителей новорожденного. Бракосочетание могло проводиться в доме будущих супругов или в молитвенном доме. Отличительной особенностью свадеб молокан было то, что вплоть до 1970-х гг. на них не употребляли алкогольные напитки. Вот как описала процесс бракосочетания жительница Одесского района Омской области: *«Новобрачных венчал самый авторитетный в деревне*

человек, который мог правильно разъяснить божие слово. Говорил те же самые слова, которые говорят в церкви, что Иван, например, берет в жены Марину, но записи никакой не делал. Как только он произнес эти слова, он обращается к гостям и спрашивает: – Слышали? А они хором ему отвечают: – Да, слышали! Это надо было обязательно повторить три раза. Это и было подтверждением их венчания» (ПМА–2023, с. Одесское Одесского района Омской области, женщина, 1929 г.р.).

Отпевание покойного совершалось в его доме и продолжалось на кладбище. У молокан не было принято целовать умершего. Люди, которые прикасались к покойнику, считались нечистыми и не могли сидеть за поминальным столом. Для людей, которые были приглашены обмывать покойника и копать могилу, мог быть накрыт отдельный стол, либо они садились за стол после того, как собравшиеся на поминки расходились. По существовавшей традиции на кладбище гроб должны были нести на руках восемь мужчин. В некоторых деревнях во время Великой Отечественной войны и после нее ввиду недостатка мужчин гроб начали отвозить на кладбище на лошади, запряженной в телегу или сани. Позднее его стали возить на автомобиле. Во время похорон покойника старались расположить головой на запад, ногами на восток (ПМА–2023, с. Желанное Одесского района Омской области). На поминальных трапезах, как и на свадьбах, не одобрялось употребление водки и других алкогольных напитков. В рассказах сельских жителей среди поминальных блюд чаще всего фигурируют щи, каша, лапша, блины и компот. В настоящее время в большинстве обследованных деревень молокане и православные похоронены на одном кладбище. Исключение составляет лишь д. Белосток Одесского района, в которой сохранилось отдельное молоканское кладбище. По воспоминаниям жителей д. Брезицк, расположенной в том же районе, в ней первоначально тоже было отдельное кладбище для молокан, но позднее оно оказалось полностью заброшенным. Наиболее вероятно, что первоначально молокан хоронили отдельно от православных, но в советское время это было не всегда возможно. На многих сохранившихся с 1950-х гг. могилах молокан устанавливали кресты. По всей видимости, это можно отнести к достаточно поздним заимствованиям у проживавшего здесь православного населения ввиду того, что, согласно зафиксированным воспоминаниям, ранее молокане не устанавливали на могилах крестов. Во время посещения кладбища они читали молитвы и пели духовные песни, при этом на могилах не было принято оставлять еду. Рассказы о том, в какие дни нужно поминать усопшего, разнятся. Некоторые жители Одесского района считают, что в их деревнях поминали лишь на год после смерти, тогда как в воспоминаниях жителей Нововаршавского района чаще встречаются упоминания о том, что молокане, как и православные, справляли поминки на 9 и 40-й дни. При этом в настоящее время кладбища принято посещать на родительский день.

В уставе омской общины молокан, который действовал в первой половине 1920-х гг., подчеркивалось, что все описанные выше обряды жизненного цикла должны совершаться бесплатно (ИсАОО. Ф. Р-1326. Оп. 4. Д. 29. Л. 7). В сельской местности пресвитеры также не брали за них деньги.

По воспоминаниям потомков молокан, проживавших в сельской местности, их жилище и одежда практически не имели отличий от образцов, которые были присущи их этническому окружению. Единственное отмечаемое отличие состояло в отсутствии в доме молокан красного угла с иконами. Ввиду дефицита в степной местности строительного леса первоначально переселенцы строили землянки и дома из дерна, которые здесь называли «пластянками». Позднее повсеместное распространение получили саманные дома, которые продолжали строить до 1990-х гг. По воспоминаниям потомков переселенцев, посетивших родину их предков в Пестравском районе Самарской области, там жилище и хозяйственные постройки преимущественно строились из древесины. Таким образом, переселившись на юг Западной Сибири, молокане были вынуждены принять за основу адаптационный опыт поселившихся здесь многочисленных выходцев из степных районов Украины и южной России.

Традиционная одежда молокан мало отличалась от образцов, которые сложились у их этнического окружения в Сибири. К общим отличительным чертам чаще всего относят преобладание у замужних женщин кофт навыпуск и длинных юбок темных тонов. Голова всегда была

покрыта платком, на праздники – черным ажурным шарфом [Назарцева, 1996, с. 227]. Ввиду слабо развитого на юге Омской области льноводства одежда шилась из покупных тканей. Как правило, вся женская одежда, включая свадебный наряд, шилась с длинным рукавом. Мужчины старались одеваться по-городскому, в советское время часто носили пиджаки. Среди них приветствовалось ношение бороды (рис. 2).

Рис. 2. Семьи молокан Одесского и Нововаршавского районов Омской области (1920–1950-е гг.)

В материальной культуре проживавших на юге Омской области молокан наибольшим своеобразием отличалась народная кухня. Одному из самых влиятельных основателей движения молокан – Семену Уклеину – принято приписывать утверждение о том, что в пищу можно употреблять все, кроме запрещенных в Писании свинины и рыбы, не имеющей чешуи [Дубровин, 2014, с. 89]. Среди сибирских молокан запрет на употребление свинины имел стойкое бытование. В некоторых семьях он сохранялся до 1980-х гг.: «В Любовке у нас (я в 1957 году оттуда уехала) никто из молокан не держал свиней. Я в 1984 году только впервые попробовала свинину. Сын женился на немке. Теща сварит что-нибудь из свинины, а он не кушал. Покушает картошку жаренную или молочное что-нибудь. Она все переживала. Я приехала, а она и говорит: “Почему Вася не кушает?” А я говорю: “А вы не переживайте! Мы свинину не едим. Поест молочное, и не помрет. Будет живой и крепкий”» (ПМА–2024, д. Русановка Нововаршавского района Омской области, женщина, 1937 г.р.). Учитывая то, что молокане не держали в хозяйстве свиней, по воспоминаниям местных жителей, для того, чтобы отдавать в конце 1940-х гг. налог на свиные шкуры, им приходилось их покупать или выменивать у проживавших поблизости украинских переселенцев. По рассказу уроженки д. Патровка, в молодости ей пришлось работать свиначкой в совхозе, однако работа давалась ей тяжело ввиду отсутствия опыта выращивания свиней. Учитывая близость Казахстана, местные жители, видя, что женщина никогда не держала в доме свиней и не ела свинину, первоначально предположили, что она мусульманка и лишь потом узнали о существовавшем у молокан ограничении (ПМА–2024,

д. Русановка Нововаршавского района Омской области, женщина, 1937 г.р.). Жители Одесского района отмечали, что некоторые проживавшие на его территории молокане отказывались от употребления в пищу лука и чеснока. Помимо этого, молокане придерживались полного отказа от употребления алкоголя и курения табака.

Молокане употребляли в пищу мясо кур, гусей, говядину и баранину. Примечательно, что вместо свиного сала в некоторых семьях в пищу использовалось сало гусей. Сельские жители относили некоторые блюда к молоканским ввиду специфических рецептов их приготовления. Молоканская лапша варилась на курином бульоне из замешанной на куриных яйцах пшеничной муки. Ее главным отличием было то, что, по сравнению с лапшой, которую готовили другие переселенцы, она нарезалась значительно более мелкими и тонкими ломтиками диаметром около 0,5 см. Мясо к лапше подавалось на отдельной тарелке. В ходе полевых исследований в Закавказье Н. И. Григулевич также относил подобный рецепт лапши к типичным молоканским блюдам [Григулевич, 1996, с. 74, 85, 124]. Молоканская каша первоначально варилась из пшена на молоке, с добавлением топленого масла. Немного не доварив кашу, ей давали потомиться в печи или накрывали кастрюлю пледом. Позднее кашу стали варить преимущественно из риса. Достаточно поздним новшеством стало добавление в нее изюма, что придавало ей сходство с кутьей. Молоканские блины готовились из пшеничной муки на молоке с добавлением яиц, они пропаривались в печи и после приготовления складывались пополам. Во время еды их было принято макать в сметану или сливочное масло. Лапша, каша и блины были неотъемлемой частью праздничного и поминального стола молокан. Также во многих семьях они готовились по воскресеньям (рис. 3). Любимым напитком молокан был чай, который заваривали в самоварах. К нему выпекались крендели и баранки. У проживавших поблизости украинских переселенцев молокане переняли такие блюда, как борщ, затирки и галушки.

Рис. 3. Молоканские лапша, каша и блины. Село Белосток Одесского района Омской области (фото Р. Ю. Федорова, 2023 г.)

Выводы

Основной причиной формирования общин молокан на юге Омской области стали крестьянские переселения начала XX в. Благодаря возраставшему в 1920–1930-е гг. оттоку сельского населения в города, омская община молокан в значительной степени пополнялась за счет него. В советское время жизнь городской общины молокан регламентировалась государством. Изменение религиозной политики СССР во второй половине 1930-х гг. привело к закрытию официальных объединений молокан в городе Омске. Начатые в 1980-е гг. попытки возрождения омской общины молокан не привлекли значительного числа заинтересованных людей и практически сошли на нет после ухода из жизни в 2017 г. ее пресвитера В. Ф. Терехова.

В отличие от города, в сельской местности религиозная жизнь общин молокан, носившая неформальный характер, не прерывалась. В отдельных деревнях она продолжалась вплоть до первого десятилетия XXI в. При этом характерной особенностью жизни молокан в сельской местности являлось бытование связанных с ней отдельных народных традиций, которые сохранили наиболее стойкое бытование в семейной обрядности и культуре питания. В сельской местности постепенное прекращение религиозной жизни молокан на рубеже XX и XXI вв. было связано с такими факторами, как уход из жизни представителей второго поколения пересе-

ленцев, многие из которых продолжали придерживаться веры предков, рост смешанных браков, а также общий процесс утраты интереса представителей более молодых поколений к бытовавшим в их семьях духовным традициям. В этой ситуации название «молокане» превратилось в своеобразное коллективное прозвище сельских жителей, которое в настоящее время в большей степени характеризует не их религиозную принадлежность, а общность происхождения.

Примечания

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² ПМА – полевые материалы автора.

Список источников

Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 3; Ф. Д. 4; Д. 7; Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 9; Д. 12; Ф. 270. Оп. 1. Д. 635; Ф. Р-1326. Оп. 4. Д. 29; Д. 35; Ф. 1542. Оп. 1. Д. 11; Ф. Р-1545. Оп. 1. Д. 11; Ф. 1545. Оп. 11. Д. 2.

Библиографический список

Брычков П.А. Нововаршавский район: история и люди. Омск, 2004. 608 с. ISBN: 5-87367-039-0. EDN: OXUCRN.

Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. 396 с.

Буянов Д.Е. Духовные христиане в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 418. С. 62–70. DOI: 10.17223/15617793/418/8. EDN: YTPCPT.

Буянов Е.В. Духовные христиане на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Благовещенск: Одеон, 2021. 206 с.

Григулевич Н.И. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.: ИЭА, 1996. 163 с.

Губенко М.Л. Молоканское сообщество: история и традиции // Пламя всегда с вами: газета Одесского района. 2023. № 30 (9616). С. 4.

Дубровин Н.Т. Духовные христиане – молокане. М.: Юрлитинформ, 2014. 430 с.

Клюева В.П. Исторический опыт пацифизма советского евангельского сообщества: заявления церкви и выбор верующих // Вестник Перм. ун-та. История. 2023. № 4(63). С. 93–107. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-4-93-107. EDN: JXVVKS.

Морозов И.П. Молокане. М.; Л.: Огиз – Моск. рабочий, 1931. 142 с.

Назарцева Т.М. Молокане Омской области // Известия Омск. гос. ист.-краевед. музея. 1996. № 4. С. 224–228. EDN: YABOGD.

Прохоров К.А. В Сибирских палестинах. История сибирской церкви евангельских христиан-баптистов (1890-е – 1941 г.). Омск; Штайнхаген: Samenkon, 2019. 928 с.

Скосырева Н.Д., Скосырев А.В. Самарские крестьяне на сибирской земле [Электронный ресурс] // Электрон. науч.-метод. журнал Омск. ГАУ. 2021. № 4(27). URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2021/4/00969.pdf> (дата обращения: 24.02.2026). EDN: FAZYOL.

Федоров Р.Ю. Этнокультурная память потомков молокан на юге Западной Сибири // Религиоведение. 2024. № 3. С. 95–102. DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-95-102. EDN: JSEFVU.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.04.2025

ETHNOCULTURAL PROCESSES AMONG MOLOKANS OF OMSK REGION (20TH – FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY)

R. Yu. Fedorov

HSE University, 21/4 Staraya Basmanaya str., Moscow, 105066, Russia.

r_fedorov@mail.ru

SPIN: 4902-4090

Ethnocultural processes among Molokans living in rural areas of Omsk region and the city of Omsk in the 20th – the first quarter of the 21st century are considered. The research sources used were materials from ethnographic expeditions conducted in the Odessa and Novovarshavsky districts of the Omsk region, as well as documentary sources stored in the Historical Archives of the Omsk Region. The author has established that the main reason for the formation of places of compact residence of Molokans in the south of Omsk region was peasant migrations at the beginning of the 20th century. In the 1920s an officially registered community of Molokans was founded in Omsk, but a change in the religious policy of the USSR in the second half of the 1930s led to its closure. Unlike in the city, the Molokans' informal religious life in rural areas continued uninterrupted until the early 21st century. A characteristic feature of their rural life was the persistence of associated folk traditions, which remained most persistent in family rituals and food culture. At the same time, the name "Molokans" has turned into a kind of collective nickname for rural residents, which at present is more characterized not by their religious affiliation, but by the community of origin.

Key words: Molokans, ethnocultural processes, religious worldview, identity, Western Siberia, Omsk.

Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

References

- Brychkov, P. A. (2004). *Novovarshavsky district: History and people*. Omsk region printing house.
- Buyanov, E. V. (2012). *Spiritual Christians Molokans in the Amur Region in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries*. Amur University.
- Buyanov, E. V. (2017). Spiritual Christians in Siberia and the Far East (second half of the 19th – beginning of the 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 418, 62–70.
- Buyanov, E. V. (2021). *Spiritual Christians in the Far East of Russia (second half of the 19th – first third of the 20th centuries)*. Odeon.
- Grigulevich, N. I. (1996). *Traditional food of Russian old-timers and peoples of Transcaucasia*. IAE.
- Gubenko, M. L. (2023, July 28). Molokan community: History and traditions. *Gazeta Odesskogo rayona "Plamya vseгда s vami"*, p. 4.
- Dubrovin, N. T. (2014). *Spiritual Christians – Molokans*. Yurlitinform.
- Klyueva, V. P. (2023). Historical experience of pacifism of the Soviet evangelical community: Statements of the church and the choice of believers. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 4(63), 93–107.
- Morozov, I. P. (1931). *Molokans*. Moskovskiy rabochiy.
- Nazartseva, T. M. (1996). Molokans of Omsk region. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya*, 4, 224–228.
- Prokhorov, K. A. (2019). *In the Siberian Palestinians. History of the Siberian Church of Evangelical Christians-Baptists (1890s – 1941)*. Samenkorn.
- Skosyreva, N. D., & Skosyrev, A. V. (2021). Samara peasants on Siberian land. *Elektronnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal Omskogo GAU*, 4(27). Retrieved from <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2021/4/00969.pdf>
- Fedorov, R. Yu. (2024). Ethnocultural memory of the descendants of the Molokans in the south of Western Siberia. *Religiovedeniye*, 3, 95–102.